
РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕСТУПИВ ЧЕРТУ ДОБРА И ЗЛА, ВОЙНЫ И МИРА...**Александр Можаяев. За чертой. М.: Вече, 2023. — («Проза нового века»).**

Уже несколько десятилетий каждый мало-мальски начитанный человек, произнося название реки «Дон», подразумевает дальнейшее определение «Тихий». Таково влияние искусства, в данном случае великой книги «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Не хочу утверждать, что в недалеком будущем читатель, произнося название несущей свои воды к Дону реки Деркул, будет сразу представлять, что она — черта и в какой-то мере граница между донскими и луганскими казачьими берегами. Но это вполне возможно, потому что, прочитав книгу Александра Можаяева «За чертой», трудно забыть и эту реку, и ее берега. И жизнь, которая, невзирая ни на что, продолжала традиции казаков Тихого Дона в станицах, хуторах и поселках, пусть и разделенных долгое время границами, но единых в своем понимании добра и зла, войны и мира, смысла бытия во всех своих проявлениях. Трудно забыть и героев романа, которые оказались героями и в жизни, смелыми и работающими, сильными и надежными, верными в дружбе и любви, а также в своей извечной тяге к справедливости и свободе. Пусть иногда грубоватые, насмешливо-ироничные, озорные, не избегающие застольных излишеств, они в трудный час не предали память отцов и дедов, проявили лучшие человеческие качества и даже за чертой жизни остались в памяти героями.

А по другую сторону черты, разделившей время «на до и после», — тоже люди. С иным мировоззрением, в котором понятия о добре и зле воспитаны на иных принципах, признающих лишь собственную правоту и не терпящих инакомыслия. Впрочем, так было всегда, с древних веков. И автор об этом пишет, постепенно разворачивая картину жизни и смерти на фоне извечной красоты степного края, где выживать во все времена было непросто, и потому всегда в цене были важные и понятные человеческие качества. Простые, но от того не менее великие. Я не берусь сравнивать «Тихий Дон» и «За чертой». Это разные книги, хоть и в чем-то похожие. Но то, что Александр Можаяев своим романом продолжает традиции великого предшественника, это точно. Жизнь и нравы современных казаков оказываются чрезвычайно схожими с теми, о которых писал Шолохов. Это вселяет надежду на то, что даже за последней точкой начинается новая страница. А какой она будет — кто ведает. В правдивости картин и описаний событий сомневаться не приходится. Ведь автор романа не только профессиональный писатель, он — казачий атаман, а это говорит само за себя. Особой доверительности добавляет и то, что практически все персонажи книги (не только герои) — это реальные личности (пусть не все исторические), и все они действуют под своими настоящими именами и фамилиями.

И жизнь, и повествование о ней, даже то, что завершается настоящей трагедией (а война иной не бывает), начинаются с детства. Вот и книга берет начало с описаний мирных дней на хуторе близ станицы Митякинской, а также в недалеком Луганске, с воспоминаний детства, небогатого, как у всех в то время, но наполненного своими незабываемыми радостями (и горестями тоже). И наверняка эти картины тронут душу каждого читателя.

...А конфеты дядьки Сашки-Героя, печенки и пригарки варенья тетки Полины — самое сладкое, что было в моем детстве.

Детство пахнет цветами — майорами, что росли на соседнем дворе. И вишневым вареньем, которое розовело в саду на костре. Детство пахнет листвою осеннею, что под ветром взлетает, шурша... Что ж так больно глазам? На мгновение запах детства узнала душа.

Рассказы о мирной жизни, наполненной трудом и семейными заботами, воспоминания о друзьях-земляках, их историях любви и борьбы за счастье, порой веселые, порой грустные, сменяют в книге друг друга, как части киноэпопеи (так жизнь и похожа на кино, в котором все перемешано — и смех, и слезы, и любовь). Запоминаются воистину героические (хотя, в чем-то безрассудные) эпизоды форсирования вплавь зимнего Деркула. Даже читать об этом страшновато. Для неподготовленного человека — это почти смертельное испытание. Но казаки — люди с могучими организмами. И от природы, и по воспитанию. И потому все завершилось благополучно. У некоторых даже без простуд.

Интересны рассуждения о проблеме жизненного выбора, который проявляется во всем — в языке, на котором говоришь с детства, в поиске второй половины, в понятиях чести и совести, представлениях о порядочности и достоинстве. «Дьяволу служить или пророку — каждый выбирает для себя» — классиком сказано точно и безошибочно.

Мирное время тем и отличается, что до поры до времени сглаживает противоречия. Оно направляет усилия на реализацию возможностей и способностей, развитие и поддержание семейных отношений (внесемейных, бывает, тоже), на повседневные заботы и хлопоты, в которых всегда есть своя прелесть. Правда, и в это время заметны различия выбора, отклонения и даже противоположности... Но они не смертельны и, кажется, не влияют кардинальным образом на быт и бытие. Потом оказывается, что влияют. И бывшие соседи в критических моментах иногда оказываются, мягко говоря, не друзьями. Но для проявления всех этих качеств необходимы условия «на грани жизни и смерти», когда все, что было до той поры, оказывается за некоей чертой. Время граничной черты наступило в начале недоброй памяти года, когда одна часть народа (небольшая) митинговала и буянила на столичных площадях, а другая, казалось, неизмеримо большая, продолжала работать, с изумлением наблюдая за происходящим. А потом, после кровавого итога, который называли (и называют) по-разному, протестная волна докатилась и до восточных границ.

Митинги в Луганске шли с января четырнадцатого года. У памятника Шевченко собирались сторонники киевского майдана, а напротив, через дорогу проходили выступления тех, кто ратовал за русский язык и союз с Россией. Страсти стали накаляться лишь в феврале... Вот вижу, как в направлении «майданного» митинга, разгребая руками толпу, идет атаман Ерохин; белая его папаха плавно плывет в заданном направлении.

— От казаков Станично-Луганского юрта хочу сказать слово! — кричит он.
— Геть, кремлевский агент!.. — вершит в толпе какая-то баба.

Два крепких парня в вышиванках с двух сторон вцепились в гимнастерку Ерохина, и, разодрав ее надвое, сумели столкнуть атамана вниз. Кто-то ловко зафутболил упавшую под ноги папаху.

— Казаки-и!.. — падая, успел прокричать Ерохин.

Этого было достаточно. В один миг толпы народа, словно ожидавшие этот призыв, смели милицейские оцепления, погнались украинских «луганчан» через сквер,

развели по дворам... На невероятно низкой высоте, едва не цепляясь за крыши домов, включив форсаж, над площадью с диким ревом проходят два истребителя. Всех обдает горячим ветром, исходящим от реактивных моторов. От запредельного гула едва не вылетают ушные перепонки.

— Что, испугались?! — разглаживая усы, смеется бравый десантник. — Там такие ж ребята, как мы — в народ стрелять не будут!

Опомнившись, люди приветственно вскидывают руки заходящим на новый круг истребителям, и никто еще не знает, что спустя всего пару месяцев эти же «сушки» будут пускать в людскую толпу ракеты, и ступени администрации, на которых они машут сейчас флагами, будут залиты кровью...

«Миру — мир» заменили на «Смерть врагам», и врагов стало пруд пруди... Говорят — поклонялись не тем богам, потому и кипит в груди ярость, будто из моря вражды волна, человеческий смывая лик. Несвященная губит страну война, все слова заменив на крик.

События тогда развивались стремительно и непредсказуемо (хотя для кого-то их исход, вероятно, не был тайной). Но многим еще казалось, что надвигающиеся зловещие черные тучи необязательно предвещают губительную, смертельную грозу. В книге это ощущается просто физически. Причем с каждой страницей неизбежность трагедии все более зрима. А ведь речь шла не о развале страны, не об отделении, не о предательстве. Просили лишь узаконить родной для большинства населения края русский язык и озаботиться либо автономным статусом двух областей, либо федеративным устройством государства. Известно, что федераций в мире очень много, и все они весьма развиты и экономически, и политически. Да, и с двумя (и более) государственными языками стран немало. И это совсем не мешает их процветанию. Неужели эти сугубо организационно-политические проблемы дороже жизни множества людей? Вопросы, казалось бы, из разряда детских. Но ответов на них нет по сей день. И задавать их зачастую небезопасно.

...Тридцатого марта референдум все-таки состоялся. Свыше девяноста шести процентов опрошенных высказались за федеративное устройство. Признай это в Киеве — не было бы никакой войны, и Донбасс остался бы в составе Украины. Но вместо этого на Луганщину двинулись эшелоны с войсками... В возможность войны тогда не верил никто. Солдаты ВСУ были растеряны, деморализованы. В Марковке ребята из дружины самообороны без особых трудов отняли у прикомандированного полка две установки Град и беспрепятственно перегнали их через всю область в Луганск. Шедшие на усмирение мятежного Донбасса танковые колонны останавливали и разворачивали вспять вышедшие на дорогу селяне. Подняв над собой иконы, люди не сходили с места... Первое время это имело воздействие, — колонны прекращали движение. Потом колонны стали объезжать скопление машин и людей. Ожесточение нарастало с каждым днем. Скоро колонны стали ехать через оставленные на дороге машины, и наконец, не притормаживая, уже топтали и людей, и иконы. Все вдруг поняли — это война.

Вновь бесноватость назначает встречу. И ненависть, оскалив черный рот, взрывает, убивает и калечит. И кажется, назад, а не вперед стремится время, как палач за плахой, как мракобес, лелеющий войну. И прошлой смерти воскрешая страхи, жизнь, как собака, воеет на луну.

Война быстро разделила страну на друзей и врагов, своих и чужих. Разница во взглядах проникала даже в семьи, делая близких родственников непримиримыми противниками. Нетерпимость, злорадство, ненависть — эти чувства определяли градус вза-

имоотношений в обществе. Казаки сделали свой выбор, естественно, у каждого он был свой. В большинстве своем они встали в ряды ополченцев. Кто-то уехал, кто-то, одобряя и принимая события, не просто остался, но и, как говорится, «исключительно из человеколюбия» указывал властям на соседей и знакомых как на «сепаратов». Понять и оправдать это непросто. Но таковы реалии военного времени.

...Клубы черного дыма нависли над Макаровым и Станицей. Сквозь расплзающуюся серую мглу на нас равнодушно смотрело кровавое солнце.

— Как быстро все поменялось, — с горечью говорю я. — Давно ли в одном строю ходили? И народ на всех был один, и армия одна...

— Эх, армия... Сейчас не армия все решает... Зайдет к командиру полка какая-то сопля зеленая, которая и срочную не служила и кажет: «Будешь робыты, як я сказав». И полковник тянется перед ним, потому что сопля эта из «Правого сектора», и как она скажет, так и будет. А если не будет, то и полковника этого завтра не будет здесь...

Вот замысел, неведомый уму, — врагами назначать в своем доме друзей, соседей, отправляя всех прямой наводкой, позабыв про грех, прямой наводкой в злые небеса, сквозь детские, бездонные глаза, не ведая, что другом бывший враг уже готовит твой небесный шаг. И вновь который век кровит венец. И стынет кровь под взрывами сердец.

Атаман (он же автор) тоже не остался в стороне от событий. Хотя и по возрасту, и по старым тяжелым травмам мог наблюдать за всем сидя дома. Но он, знающий с детства все тропки-дорожки родимого края, стал проводником, помогавшим добровольцам и группам ополченцев проходить через границу, благополучно минуя блокпосты и кордоны. А перед этим на его глазах происходило то, что и называется войной. Разрушались дома и улицы городов и поселков, рушились судьбы, погибали друзья, рвалась в прошлом, уходила в небытие мирная жизнь. И звенели в ушах набатом вечные вопросы: «За что? Почему? Ради чего?»

...Кольцо сжимается все сильнее и сильнее, — все теснее становится на родной сызмальства знакомой земле... Я знаю, охота на меня открыта давно. За меня и за парней, идущих за мной, украинский олигарх обещает большие деньги. Охотников подзаработать по легкому много. Иной раз они идут за мной по пятам; по-звериному я слышу за много верст их спешащие шаги, слышу их тяжелое прерывистое дыхание. По наитию знаю, где расставлены капканы, и в этом мое везение... Всегда, когда мы выходим, кто-то чужой, затаившийся на нашей, российской стороне, сигналил моим врагам.

Они всегда знают, что мы идем. Единственное, чего им не дано знать, какой из сотен, едва различимых звериных троп, я сегодня буду вести людей... Наверное, когда-то я ошибусь, но пока кто-то неизменно спасает меня, — птица ли, зверь или молитвы моей Виктории, которая каждый раз крестит меня в дорогу. ...Господь для чего-то все еще сохраняет меня. Может лишь для этих вот строк...

Судьба подарила Александру Можаяву возможность, побывав за чертой добра и зла, рассказать об увиденном и пережитом честно и правдиво, талантливо и мужественно. Чтение его романа — не легкое, развлекательное занятие, это труд сопереживания совместного с автором поиска истины, смысла, ответов на вопрос о том, почему в который раз страницы жизненной книги напитываются кровью, а на земле появляются все новые и новые надгробия. И лежат под ними те, кто мог бы еще жить и жить. Что сделало их врагами? Или кто? Их, имеющих общие корни и даже внешне похожих...

Сквозь время пограничной полосы, сквозь жизнь и смерть — судьбы тугая нить. И кажется, любовь, а не часы отсчитывает: быть или не быть... Любовь, конечно, великая, всепобеждающая сила. Но и она жаждет справедливости, мира и правды. Обо всем этом и говорит в своей книге Александр Можаяев.

...Куда ни глянь, — лежат под крестами одни те же фамилии, что на моем, что на этом берегу. Лобовы, Черенковы, Токмачовы, Власовы... Здесь можно отыскать и мою фамилию... Все казаки одного и того же 10 полка. Что же должно было случиться, чтобы на одной единой земле Войска Донского, среди родных могил, я стал здесь чужим, в страхе озираюсь по сторонам и боюсь пришлого наброда, который объявил эту землю своей?.. «Дюти-фри, дюти-фри...» — в мрачнейшей роще прокричал дрозд. «Чай-пить, чай-пить...» — отозвался ему другой. На далеких озерах жалобно, словно прощаясь, прокричал в вечеряющем небе чибис. Все как всегда, как в обыденной жизни, и только вдали, где-то под Станицей Луганской, как торжество человеческой немощи, не уставая, били и били орудия.

Нет ни зависти, ни злости, ни злорадства, ни вражды...

Владимир СПЕКТОР